

УДК 13

DOI: 10.18384/2310-7227-2023-2-18-36

МЕНТАЛЬНЫЙ АБРИС ФИЛОСОФСКОЙ СЕМАНТИКИ

Ильин В. В.

Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет), Калужский филиал
248000, Калужская обл., г. Калуга, ул. Баженова, д. 2, Российская Федерация

Аннотация

Цель. В кругу семантических разысканий возникает концептуальная сверхзадача – освоение самоизбыточных (диффузных, «нечётких») контекстов со специфической реляционной, многоуровневой, многозначной семантикой потенциальных состояний, адаптированной к экспозиции «трансмировых линий» за счёт выхода из реалиса в кондиалис, из фактива в контрфактив, из актуатива в посессив.

Процедура и методы. Процедурным остовом рассмотрения выступил блок общенаучных (индукция, дедукция, традукция, абдукция) и специфических (рефлексия, трансляция и др.) способов освоения реалий.

Результаты. Результат исследования – положительная программа: обосновывается, что в отличие от лингвистической, логической семантик философская семантика оценивает генерируемые образы мира через установление их соответствия предметному строю реальности – с позиции Status Rerum.

Теоретическая и/или практическая значимость. Доктринальное и прагматическое значение материала заключается в демонстрации необходимости перехода от осмысления пропозиций, формул, образов мира, в слове явленных, к стоящим за символами предметам, обстоятельствам, конституентам реальности.

Ключевые слова: текст, произведение, денотативность, коннотативность символических форм

THE MENTAL IMAGE OF PHILOSOPHICAL SEMANTICS

V. Ilyin

Bauman Moscow State Technical University (National Research University), Kaluga Branch
ul. Bazhenova 2, Kaluga Region, Kaluga 248000, Russian Federation

Abstract

Aim. In the circle of semantic searches, a conceptual super-task arises – the development of self-redundant (diffuse, “fuzzy”) contexts with specific relational, multilevel, multi-valued semantics of potential states adapted to the exposure of “transworld lines”, due to the exit from the realis into the condialis, from the factive to the counterfactive, from the actuate to the possessive.

Methodology. The procedural framework of consideration was a block of general scientific (induction, deduction, traduction, abduction) and specific (reflection, translation, etc.) ways of mastering realities.

Results. The result of the research is a positive program: it is justified – in contrast to linguistic, logical semantics, philosophical semantics evaluates the generated images of the world through establishing their correspondence to the subject order of reality – from the position of Status Rerum.

Research implications. The doctrinal and pragmatic significance of the material consists in demonstrating the need to move from the comprehension of propositions, formulas, images of the world, revealed in the word, to the objects, conditions, constituents of reality behind the symbols.

Keywords: text, work, denotativity, connotativity of symbolic forms

Светлой памяти В. А. Песоцкого

Введение

Предпринятая нами критика тезиса Лейбница о тождестве неразличимых [6] и обоснование использования в рассуждениях отношения «различия тождественных», где стандартно равнообразное самодифференцируется, формируя понимание онтологической индивидуализации тождественных, подводит к представлению экстенционально-интенциональной поливариантности предметности. Последнее предопределяет размежевание задач известных типов семантик: лингвистическая, логическая семантики – доктрины *voix significative* – не претендуют на реконструкцию, экспозицию предметных определений человечности, – говоря определеннее, – человеческого в человеке. Развёртыванием соответствующей тематизации озабочивается философская семантика, разрабатывающая адекватный аппарат фиксации антропоориентированной реальности.

Особенности предметной сферы

Осуществимым требованием выполнения указанной в постановке проблемы концептуальной сверхзадачи выступает использование нестандартной поисковой экипировки.

Проводя уместные аналогии, позволено говорить о принципах

- суперпозиции: как в онтологической (результатирующая массы влияний), так и в эпистемологической (состояния системы описываются не только различными функциями, но и их комбинациями) редакциях;

- мероморфии: изучаемые соотношения предстают как функции комплексного переменного, выражаемые суммами сходящихся на комплексной плоскости степенных рядов;

- многозначности: функции, принимающие разные значения для одного и того же значения аргумента из пластичной об-

ласти определения функций (в том числе – неявные, обратные);

- размытости (не говоря – мнимости) переменных: не допускающих подстановку постоянных;

- неперечислимости: отсутствие алгоритма последовательного задания элементов (параметры, признаки) (составления их перечня);

- полиморфности: способность вещей в зависимости от условий менять базовые состояния, модифицировать свойства без изменения состава;

- неопределённости: отсутствие точных значений одновременно определяемых величин; выражает многогранную, полифундаментальную природу человекоёмкой материи;

- дискретности: прерывность возможных значений фиксируемых величин, отображающих «квантовые переходы» в состояниях систем;

- необозримости: реальная бесконечность числа степеней свободы систем, инспирирующая количественную беспредельность – необъятность, неохватность – интерпретаций (отсутствие «окончательных» трактовок – онтологическое основание их «конфликтности»);

- целостности: несводимость внутреннего единства к числу входящих в него частей, влекущая осложнения (не прямо, спонтанно) осваивания дискурсивной [19, p. 442];

- координации: интегральность содержательной реконструкции предметной картины ресурсами разных языковых (изобразительно-выразительных) описаний; речь не о дополнительной, а о полиэкранности, исключающей минимизацию;

- плюральности: априорное отсутствие «предпочтительных» систем отсчёта в выработке понимания полиотсечных комплементарных контекстов, итоговая концептуальная сценография которых калейдоскопична;

– сложности: антикомбинаторность – отказ от универсализируемого Бэконом, Декартом нахождения онтологически, эпистемически «простых праформ» в пользу выявления синергичных, когерентных, кооперативных эффектов.

Как видно, речь об ином типе аналитической, символической культуры с утированием нестандартных умпотистических инициатив, чувствительных к аутопоэзису, креативному морфогенезу.

Во всех эпизодах заявления формалистического подхода (структурализм – в лингвистике, функционализм – в логике) выхолащивается содержательный момент, утрачивается человеческая смысло-значимость.

Немногие хабитуальные приобретения паушально-формальной семантики купируются пониманием ущербности питающей её идеологии *idem numego*: истончается глубинное богатство

– предметности: формальная семантика имитирует сущность со стороны знаковой представленности, что потворствует толкованию исчисления знаков в качестве самоценной и самоцельной деятельности, каковой на деле она не является; как неоднократно подчёркивалось, «текст» – не агрегация «записей», получаемых через синтаксическое комбинирование символического материала (что и стимулирует луллевско-лейбницеvский комбинаторный метод); говоря строго, «текст» (в редакции «произведение») возникает в створе содержательного сочетания словесно-фразовых элементов, по смыслу далёких, но при сближении образующих единые обобщённые, вполне предметные образы [2, с. 29]. Отсюда – дело погружённого в fiction деятеля – многосмысленная «вечность» (никак не причастное «бренности» «чисто»-писательство);

– доказательности: при формальной оценке демонстрация – суть визуально удостоверяемое обследование выполнения оперативных переходов, приёмов выведения из посылок заключений (из одних записей других); радикализуется фокусировка на структуре формул с установлением

реализации наперёд заданного отношения следования определённой степени строгости. Осматривание череды знаковых рядов считается достаточным для выводов о состоятельности (правильности) доказательства. Говоря проще, если эмпирически не констатируется, что в системе S в качестве итоговой записи фигурирует $0 = 1$, S – состоятельна.

Между тем и лингвистический, и логический опыт объективно преодолевает формализм, навевает разработку когнитивных, релевантных, модальных (сверхзнаковых) углов зрения (лингвистика: аппарат идентификации тропных отношений – сравнение, эпитет, метонимия, синекдоха, метафора, ирония, эвфемизм, эзопова речь, олицетворение, аллегория, перифраз, оксюморон и др.; составление тезаурусов – списков коррелируемых понятий, классификация лексики на гиперонимическо-гипонимической основе [20]; логика: аппарат учёта модальных отношений).

Типологичные процессы, тенденции тем более активизируют философский семантический опыт, отображающий стихию самоизбыточных, безмерных, переливчатых, бликующих связей.

Формализму фронтально сопротивляется жизнь, – в случае глубокой лингвистической, логической семантики – со стороны бастиона: человек – «всё»; в случае глубокой философской семантики – со стороны бастиона: «всё» – в человеке.

Обратимся к фактуре.

В математике, логике «мощность» множества выступает обобщением понятия «количество элементов, частей в целом»; на базе количественной характеристики вводится отношение эквивалентности – «равномощности», детализируемое установлением взаимно однозначного соответствия между элементами сопоставляемых совокупностей. В математике, логике есть равномощность (не беря в расчёт теорему Кантора о множестве (2^A) всех подмножеств множества A, не равномощном ни A, ни его подмножеству, т. е. A, 2^A , 2^{2^A} и т. д. с бесконечно многими кардинальными чис-

лами). В жизни – в стандартной трактовке «равномощности» как множественной функции – равномощности может не быть; здесь равномощность не множественна, а уникальна, индивидуальна. Напомним цветаевское:

В мире, где всяк
Сгорблен и взмылен,
Знаю – один (только! – В. И.)
Мне равносилен.
В мире, где столь
Многого хотим,
Знаю – один (исключительно! – В. И.)
Мне равномощен.
В мире, где всё –
Плесень и плющ,
Знаю: один (единственный! – В. И.)
Ты – равносуш
Мне¹.

В логике – в «стандарте» – нетерпимость к противоречию (закон непротиворечия – регулятив актуальных рассуждений); в жизни – оксюморон:

Ты, меня любивший фальшью
Истины – и правдой лжи².

В математике, логике – идиосинкразия к парадоксам (антиномиям) с устойчивым стремлением блокировать предпосылки в фиксированных системах получать утверждения $a \cdot \bar{a}$. В жизненных ситуациях всё свито из антиномий:

Люблю в тебе я прошлое страданье
И молодость погибшую мою³.

И сильнее: «влюбиться не значит любить. Влюбиться можно и ненавидя»⁴; или: «со злобы любил, эта любовь самая сильная»⁵. И ещё сильнее – Катюлл: *odi et amo*.

Не сбиваясь на патетический тон, взять хоть увечную строчку из расхожего шлягера: «Девушки хотят, чтоб всё было так, как они хотят». Учítывая, по вышесказанному, что «хотеть» можно и то, что «не хочется», и даже то, что «хотеть нельзя», и подставляя в исходное, получаем парадокс «хотящих девушек», отвечающий общей формуле $R\epsilon R \sim R\bar{\epsilon} R$.

В логике высшим мерилом, третьей сужд́ей адекватности (правильности, корректности, истинности) синтаксических выражений является метаязык. В философии подобную роль подобного языка играет совокупный опыт. В логике метаязык – вполне операциональное средство; в философии метаязык – вполне субстанциональное средство. Существенный прорыв в формальной логике – конструирование семантически замкнутых языков, включающих процедуру самоуверения. В философии сходные попытки конструирования сходных языков всякий раз терпели фиаско (проекты «универсальных» органов вплоть до физикализма, операционализма, системного подхода, синергетики). Последнее – вследствие невозможности (проецируя и на лингвистическую семантику) нахождения «семантических примитивов», проводящих редукцию «сложного» к «простому» (идеология Соссюра – Вержбицкой); такого рода редукция недостижима по учёту того, что крайним «пределом чрезмерности» (Флобер) философских рассмóтрений оказывается самоизменчивый человек.

Ангажированность антропоцентричным взглядом на природу вещей, – именно она отличает сверхформальную, трудно

¹ Цветаева М. В мире, где всяк... // Культура.рф: [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/35376/v-mire-gde-vsyak> (дата обращения: 28.04.2023).

² Цветаева М. Ты, меня любивший фальшью... // Культура.рф: [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/35380/ty-menya-lyubivshii-falshyu> (дата обращения: 28.04.2023).

³ Лермонтов М. В. Нет, не тебя так пылко я люблю... // Культура.рф: [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/37197/net-ne-tebya-tak-pylko-ya-lyublyu> (дата обращения: 28.04.2023).

⁴ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Lib.ru: [сайт]. URL: http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0100.shtml (дата обращения: 28.04.2023).

⁵ Достоевский Ф. М. Вечный муж // Классика.ру: [сайт]. URL: <https://klassika.ru/read.html?proza/dostoevskij/vechnyi.txt&page=26> (дата обращения: 28.04.2023).

артикулируемую щепетильность отнесения «всего и вся» – к человеку.

Избегая неуместных претензий на какую-то всесторонность, полноту, составим некий *vademesum* осмысляемого, обращающая внимание на характерный эффект – подрыв постоянства онтологии, – что картина реальности – суть самоизбыточная картина: не прозрачный «пейзаж» как общий вид какой-то местности; пейзаж есть воспроизведение фрагмента действительности в его отнесённости к личности; во «всяком ... пейзаже движется ... человек»¹. Отсюда – метаморфозы:

– фасцинация: восприятие «городской среды»: «... дыхание занялось в его груди, всё в нём обратилось в неопределённый трепет, все чувства ... горели ... всё перед ним окунулось каким-то туманом. Тротуар нёсся под ним, кареты со скачущими лошадами казались недвижимы, мост растягивался и ломался на своей арке, дом стоял крышею вниз, будка валились к нему навстречу... алебарда часового вместе с золотыми словами вывески и нарисованными ножницами блестела, казалось, на самой реснице глаз. И всё это (! – В. И.) произвёл один взгляд, один поворот хорошенькой головки»². Возможно ли такое?

– мультипликация: восприятие «природной среды»: «как, какой непонятной силой этот молчаливый и даже неловкий на вид человек остановил навеки (! – В. И.) тот удивительный вечер на реке и увидел в нём гораздо больше (! – В. И.) прелести и красок, чем увидела в то же самое время она?»³. А такое?

– катарсис: восприятие музыки: звуки мелодии «... будили в нём ... тоску, но теперь к ней примешивалось ощущение едко-сладкое, приятно коловшее сердце, он чувствовал себя так, как будто его обливало что-то тёплое и густое, как парное молоко, обливало и, проникая внутрь ...

наполняло собой все жилы, очищало кровь, тревожило его тоску и, развивая её и увеличивая, всё более смягчало. В душе ... выросла страшная сладкая боль, точно льдина... давившая его сердце, таяла, распадалась на куски, и они кололи его там, внутри»⁴. И такое?

– элегизм: восприятие опустошённого мира: грустно-задумчивые, безрезультатные вопрошания:

Что в жизни без тебя?

Что в ней без упования?⁵

– изумление: восприятие поразительного: «... в их слабых вскриках прозвучал выразительный тон, но не потому, что не узнали друг друга ... а потому, что мгновенным порывом было спросить: как было то? как это? И как все за эти восемь лет? И можно ли, боже мой, наконец, в самом-то деле, можно ли верить глазам, рукам и губам?»⁶;

– самоинициация: восприятие близко-го: «Я видел её смутно, но с такой силой любви, радости, с такой телесной и душевной близостью, которой не испытывал ни к кому никогда»⁷;

– страдания: восприятие вещной среды как свидетельства тайной муки:

Я знаю, ни единый стон

С уст молчаливых не сорвётся,

Но в тайне, что хранят уста,

Твоя рука мне признаётся⁸.

¹ Пришвин М. М. Незабудки. М.: Художественная литература, 1969. С. 100.

² Гоголь Н. В. Петербургские повести. СПб.: Азбука, 2014. С. 17–18.

³ Паустовский К. Г. Ильинский омут. М.: Советская Россия, 1984. С. 302.

⁴ Горький М. Тоска // Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 2. М.: Государственное издание художественной литературы, 1949. С. 295–296.

⁵ Батюшков К. Элегия («Я чувствую, мой дар в поэзии погас...») // 45 параллель: [сайт]. URL: https://45parallel.net/konstantin_batyushkov/elegiya_ya_chuvstvuyu_moy_dar_v_poezii_pogas.html (дата обращения: 28.04.2023).

⁶ Трифонов Ю. В. Время и место. М.: Известия, 1988. С. 308.

⁷ Бунин И. А. Жизнь Арсеньева. М.: Советская Россия, 1982. С. 329.

⁸ Шторм Г. Я знаю, ни единый стон... / пер. А. Энгельке // История немецкой литературы: [сайт]. URL: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/istoriya-nemeckoj-literatury/teodor-shtorm.htm> (дата обращения: 28.04.2023).

Мы обратили внимание на специфическую трансформируемость онтологии в зависимости от антропоморфизации, – тонкость, какую не способны тематизировать ни лингвистическая, ни логическая семантики, не выявляющие скрытые планы реальности при центровке человеческого фактора.

Лингвистическая семантика идентифицирует грамматическое выражение подлежащего, однако без потребной позднейшей квалификации контекстуального его статуса. Проводящий анализ предложения «Суровое зрелище откроется перед вами» [3, с. 307] Выготский специально отличает несовпадение значимости случающегося: грамматическое подлежащее «зрелище» психологически не корреспондирует сказуемому «откроется», уступая ему по аксиологической, модальной силе.

Логическая семантика указывает на неизбежную условность характеристики, тем более – отождествления по *idem species* в стремлении заменить «зрелище» более слабыми лексемами: представленное взору «явление», «событие», «происшествие».

Дело же тем не менее должно сдвигаться с мёртвой точки; сдвигается оно содержательной ощупью – опоясыванием предметной среды человекоёмким эоном – «жизненным существованием». Здесь сразу всё становится на свои места. «Текст» воспринимается объёмно (не как агрегация знаков, скопище пропозиций), – играет красками сверхзнакового образования – с сюжетом, темой, мотивом, интригой, героем, оценивается в терминах семантики референциальной. Мир погружается в сверхидентичное персонифицируемое многомирие, где предметы как бы вспыхивают внутри «душой» и волшебным просвечивают. Почему? Потому что мы обращаем на них «родственное внимание»¹. Возникает многозначительное явление резонанса – ответного звучания настроенных в унисон одухотворённых тел [11].

Рвущееся из груди сердце! Путь к нему – не по кадастру дорог, а по неучитываемой территории жизни.

Герда вдохнула в Кая тепло; душа его оттаяла; неприступное царство Снежной королевы разрушилось одной горячей слезой – слезой искренней заинтересованности, откровенной взаимности. Как тут не поверить в идеальную любовь, «вечную женственность» (Гёте), ведущую к жизненной истине, какая «чувствуется прежде, чем мыслится» (Руссо). «В мечте есть сторона, которая лучше действительности»², – высказывал Толстой. Так и хочется спросить: повествуют ли об этом, по Абельяру, семантики *vox significativa*? Есть ли в них инструмент фиксации капитальных состояний:

- быть человеческим ради человечности, прежде всего – ради себя;

- самопонимания: как сетовал ап. Павел, «не понимаю, что делаю» (Рим. 7: 15), «не то делаю, что хочу» (Рим. 7: 16);

- экзистенциальных прочувствований «сразу и навсегда», уловлений «вечного» в «скоротечном»;

- права на бессмертие вне подленького чувства злорадства, с которым встречается кончина достойного: утверждает Марк Аврелий: «никто не бывает настолько удачлив, чтобы его смерть не вызвала в ком-либо ... чувство злой радости. Пусть он был превосходным человеком – всё же найдётся в конце концов кто-нибудь, кто про себя скажет: "наконец-то мы можем вздохнуть свободно, избавившись от этого наставника"» [16, с. 349].

Философская семантика вступает в полноценные права в деликатных обстоятельствах *pugnae difficiles*, – подправляя Горького, – в печальном бессилии мысли перед лицом тёмных загадок познания, существования, когда приходится не прояснять (лингвистическая, логическая семантика), но задавать (пограничные) смысло-значимости. В качестве примеров

¹ Пришвин М. М. Записи о творчестве // Контекст-74: Литературно-теоретические исследования. М.: Наука, 1975. С. 270.

² Толстой Л. Н. Дневник. 3 июля 1851 г. // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 46. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1934. С. 65.

возьмём лишь затруднения алгоритмического разрешения проблем

– жизнесферы:

Попробуйте для доброго найти
К хорошему – хорошие пути¹;

– концептосферы: определение «истинности / ложности» любого данного суждения;

– символосферы: разведение игрового и серьёзного;

– космосферы: воплощение гармонии мира;

– социосферы: приобщение к сиянию «всеобщего света» (по Каменскому – Панавгии) [14, с. 313];

– антропосферы: достижение эвдемонии фундированной «строгой» наукой о счастье, называющей средства, согласно которым «мы можем всегда быть счастливы и становиться... счастливее» [15, с. 397].

В полноте содержания и объёма речь – о своеобразной пансофии (используя фигуру Коменского), версифицирующей сапиента в модусе creator mundi (Playing God) и притязающей на Великое преображение мира ресурсами всеохватного органа, исключающего сомнения: «вход в царство человеческое, основанное на науках, будет почти таким же, как вход в царство небесное» [1, с. 33].

Подчёркиваем: сказанное – преимущественно по части, как говорил Паскаль, *l'esprit de finesse* – изящного ума, через сердечное представительство вскрывающего глубину вещей (не сомневаясь в его наличии и отмечая очевидные переклички в толковании «тонкого разума» Паскалем и «целостного разума» Киреевским [12, с. 274], констатируем в данном месте доктринальную непроработанность указанного гносеологического ресурса, дающего больше, чем нестрогое оправдание, но меньше, чем строгое доказательство. Не оцениваем здесь также и неясные славяно-

фильские умозрения касательно того, что будто бы познание на Востоке отличается «правильностью» внутреннего состояния мыслящего духа, тогда как на Западе – «внешней» «связью понятий». Общее место гносеологии безотносительно культурологических проекций – тезис унитарности интуитивного и дискурсивного в познавательном процессе, удостоверяющий наличие фундаментальных мыслительных констант – ФМК) [7].

В «рутинной» стихии мыслительного самотёка актуализируется менее амбициозная (лучше – экзотическая) задача (сопоставительная с задачей достижения «полноты» истины, счастья в головоломном трепетном «разумопостижении сердцем») – смыслоозначивания сущего потенциалом не формальной (!) философской семантики (в тонирующей дихотомии: теизм: квиетистское упование на чудо во вступлении в Эдем в потусторонней жизни – сциентизм: активистское проектирование чуда в техно-, социоморфизме в потусторонней жизни).

Характер отображения

В гносеологии популярен осязаемый мотив «несокрытости» истины, получающий рамочное оправдание в наивном

– теологизме, утрирующем керигматический потенциал Предания – Писания;

– методизме, утрирующем потенциал «естественного света» всей познавательной организации, принципиально координирующей порядок идей и вещей.

Отмеченное подкрепляет и этимология «истины» – *«aletheia»* (греч.), «естина» (рус.) – как того, «что есть».

Было бы недопустимым простодушием, однако, держаться прямолинейных некритических, профессионально преодоленных взглядов. Суть заключается в том, что истина как отобразительная атрибуция «что есть» – не лежит на поверхности, она не феноменологична (не в прочтении Гуссерля); применительно к нашим баранам – непосредственно формальными лингво-логическими резонами не мотивирована.

¹ Брехт Б. Добрый человек из Сычуани // Royallib: [сайт]. URL: https://royallib.com/read/breht_bertold/dobriy_chelovek_iz_sichuani.html#286720 (дата обращения: 28.04.2023).

Смутно предчувствуя именно такое состояние дел, традиционную экипировку искательства истины расширили апелляцией к музыкальной гармонии [21]; прекрасному – красоте в отображении природы (Гёте)¹; упомянутому «сердечному чувству» (Паскаль, Дюгем) [5, с. 259] и др.

Предощущение «непрозрачности», «самонеданности» истины дополнялось практическим убеждением невозможности её получения прямой истолковательной процедурой в «науке комментирования» (и в религиозной – от ортодоксов до реформаторов, от христиан – экзегетика – до мусульман – ильм тафсир аль-Куран; и в светской – востребующие герменевтики «книги» природы, культуры – сферах).

Гносеологические прозрения усугублялись прозрениями:

– онтологическими: если последовательно исходить из самопротиворечивости «земной основы» (Маркс), отобразительно расщепляющей «видимость» – «значимость», приходится принимать феноменологическо-эссенциологическую – двусоставную конституцию действительности с относительным несовпадением явления и сущности, – толща свидетельствований обыденно-научного материала об отсутствии предустановленности сцепки «явление – сущность», в силу которой (всегда?) сущность – является, явление – существенно и которая исключает вклинивание в неё (сцепку) иллюзорности, мнимости (кажимость);

– антропологическими: озадачивающими рефлексивно не прорабатываемыми парадоксальными казусами типа «в обилии – гибель»:

От жажды умираю под ручьём²

В прямом и переносном смысле.

¹ Гёте И. В. Собрание сочинений: в 13 т. Т. 10 / под общ. ред. А. В. Луначарского, М. Н. Розанова. М.: Государственное издание художественной литературы, 1937. С. 717.

² Вийон Ф. Баллада поэтического состязания в Блуа // Аскбука литературы: [сайт]. URL: <https://www.askbooka.ru/stihi/fransua-viyon/ballada-poeticheskogo-sostyazaniya-v-blua.html> (дата обращения: 28.04.2023).

Резюмируя доводы, приходим к девальвации формальной лингво-логической экспликации вариабельной природы вещей посредством аналитики языковых (выразительно-изобразительных) массивов, добывающейся установления (морфологических, лексических и т. д.) оттенков слов (лингвистическая семантика), равно как и их (атомарных предложений) значений истинности (табличный, метаязыковой способ и т. д.) (логическая семантика).

Вызывает необходимость очищения духа от *hybris* структуралистско-функционалистских притязаний во имя послойного освоения предметности в определении (на весах пониманий) человеческих путей в мире.

Для расширения перспектив, углубления насыщенности размышлений оттолкнёмся от семантизации «осени», наделяющей и не наделяющей конкретное время года (природная определённости) субъектностью (антропная определённости). Возьмем «Осень» в исполнении Пушкина и Левинзон.

В классическом залоге проводя характеристизацию времён года, Пушкин высказывает о себе, отмечая, по каким причинам ему не близки весна, зима, лето и в силу чего он расположен к осени. Вводя оксюмороны

Унылая пора! Очей очарованье!

...

Люблю я пышное природы увяданье...³

последующие уместные и даже пикантные детализации

...

Здоровью моему полезен русский холод;

...

Легко и радостно играет в сердце кровь,

... я снова счастлив, молод,

Я снова жизни полн...⁴

поэт получает мизансцену, обеспечивающую доверительный разговор о расцвете его обильных, вне осени не растрачивае-

³ Пушкин А. С. Осень // Культура.ру: [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/4408/osen> (дата обращения: 28.04.2023).

⁴ Там же..

мых, рвущихся на волю сил. Испытывая блаженство совпадения внешнего и внутреннего в полновесном проявлении собственных возможностей, художник предаётся вожделенному – творчеству. Душа его

... стесняется лирическим волнением,
Трепещет и звучит, и ищет, как во сне¹

...

с вполне ожидаемым итогом

... мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута – и ...²

О чудо! – рождается произведение (не текст!).

Совершенно иной подход к тематизации осенней поры периодических сезонных изменений природы заявляет Левинзон. В фокусе её внимания – экзистенциальные инкарнации, центроположность человеческого в натуралистическом, что при персонификации натуралистического в его агрессивном наступлении на человеческое влечёт неконсистентность символически образуемых систем «человек в осени» – «осень в человеке».

Небольшое ёмкое, повествовательно устремлённое на финал создание творческой мысли Левинзон заслуживает восприятия произведения.

Осень – она не спросит,
Осень – она придёт.
Осень – она вопросом
В синих глазах замрёт.
Осень дождями ляжет,
Листьями заметёт...
По опустевшим пляжам
Медленно побредёт.
Может быть, ты заметишь
Рыжую грусть листы,
Может быть, мне ответишь,
Что вспоминаешь ты?

Или вот это небо,
Синее, как вода?...
Что же ты раньше не был,
Не приходил сюда?
Пусть мне не снится лето,
Я тебе улыбнусь.
А под бровями где-то
Чуть притаится грусть.
Где-то за синью вёсен
Кто-нибудь загрузит...
Молча ложится осень
Листьями на пути...³

Три восьмистишия далеко не идеального живого поэтического слова (опуская профессиональный разбор стихов с характерной инструментальной, обилием ассонансов, неполных рифм, ненарочитых повторов и т. п.).

«Осень» Пушкина выполнена в ключе «семантика природоведения». «Осень» Левинзон выполнена в ключе «семантика человековедения». Два разных типа семантик. В одном случае «увядание природы в сезонной поре», в другом случае «увядание личности в закате жизненного процесса». Действительно.

Персонифицируемая, наделяемая субъектностью, но остающаяся антропно не проявляемой, – аморфная, едва ощутимая, но ощущаемая, суровая, жестокая стихия подступает, наступает и, тесня, – лишает; из мрачного подспудья видопоказательно убеждает: горе – не продаётся, счастье – не покупается, – они приходят и уходят вместе с утверждением осени. Осени жизни.

Сближение с линией существовательного горизонта отягощает мучительным раздосадованием: вчера – нет; сегодня – преходяще; завтра – может не быть. Где место каждого из нас на мировой линии? В движении «на закат» – оно не завидно. Не завидно разодолжительством – неожиданным удивлением упрочения всеохватного опустошения. Экзистенциальная «осень» именно – об этом. Об утрате всего и – самоутрате.

¹ Пушкин А. С. Осень // Культура.рф: [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/4408/osen> (дата обращения: 28.04.2023).

² Там же.

³ Левинзон И. Осень // Bards.ru: [сайт]. URL: <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=21249> (дата обращения: 28.04.2023).

Каждое мгновение здесь – текст единственной мелодии «Ближе к тебе, Господи!» Мелодии, звучащей в груди не тех, «кому за», но всех. Каждого, ибо расходуется запас внутренних сил, исчезает радость жизни, пропадают её краски, теряет насыщенность колорит.

Ужасная безысходность. Всё поглощает океан забвения: что раньше удивляло, впечатляло, потрясало, – перестаёт волновать. Всё топится пучиной тщетности.

Странная и страшная история. В особенности на фоне практического осознания того, что «быть человеком» актуализируется со стадии узнания себя. И вот тут-то, когда только-только овладеваешь «материалом» потребного, срачиваешься с ним, настигает окаянное. У одних учащаются срывы, у других истерики, у третьих приступы безразличия. Но без исключения у всех крепнет чувство последнего рейса. Все переходят в состояние среднечеловеческого нуара – состояние осени.

По всему видно, – осень – унылая пора! Пора межеумочности – нечёткости, неточности, промежуточности существования, когда почти всё было и почти ничего не будет. Обескураживающее «почти», в котором, однако, теплится надежда, побуждающая играть в практически сыгранной пьесе жизни. Где все мы – актёры, произносящие всё более кривые, короткие тексты своих уже сыгранных ролей.

Осень – насыщенное место – на меже; средостение «было – как бы (условно) есть – не будет». Место сосредоточения обладаемого и пропадаемого; место сетования, что принадлежащее нам – не наше.

Истощается плоть, умаляется душа, – место, знаменующее событие обратного отсчёта времени, – времени соборной молитвы по невозвратимому.

Осень – экзистенциально трудный сезон, обременяющий свои концептуальные трактовки неожиданными подрастваниями, со-значениями, многоликими со-мыслями, со-смысливаниями, не оставляющими сомнений: осень – не природное, –

человеческое явление, постигаемое соплодием «вечности – мига».

Исключительно об этом – налитанные орудием чудотворства – метафорами, – в общем незамысловатые, но ёмкие стихи Левинзон.

И восьмистишие – непретенциозное озачение-недоумевание – констатация буквально в стилистике опытных протоколов. Не условий расцвета органики в сезонной периодике, а неуклонного складывания предпосылок её одряхления. Последнее прямолинейно навязывают антропоморфизирующие глаголы, в пакете с идущим рефреном местоимением 3 лица женского рода придающие отстранённую персонификацию отрешённой, ничем не сдерживаемой разрушительной силе. Используется олицетворение.

Проходя катком, точно «чёрный ворон», переезжая «нашу маленькую жизнь», гипостазированная сущность, – не спрашивая, «приходит», в ничего не подозревающих, относительно неспросчитываемых судьбических извивов всегда наивных синих глазах «замирает». Замирает не имеющим ответа вопросом. Точнее – скрытыми вопросами: как, когда, почему, зачем?

Неисповедимы пути Господа; не ясны повороты судьбы. Но осень не играет на поле «движущие силы истории», она предугадывает, лишая проективизма – целесообразно-разумного контроля индивидуального будущего. Тем более, что будущее уже наступило, и ждать особенно нечего. Кончились чудеса, когда тлело желание и возможность жертвовать всем и собой ради мечты. Сказки выводят из приниженности, но возникает момент, с которого бессмысленно рассказывать сказки. Отменяя мечты, сказки, осень отменяет перспективы, обескураживает, укрепляя тревожные чувства предзнаменованиями – маркерами зримых изменений среды двойного назначения, для чего используется активная предикация непосредственной участности: осень – дождями «ложится», листьями «заметает», по некогда обеспечивающим буйство самореализации – пиршество полнокровия – пляжам медленно «бредёт».

И что? И – всем происходящим недвусмысленно намекает на подведение итогов. Не как говорил Трифонов, – не предварительных!

Жизнь – подобие тоски неизбывной; неизбывная тоска – модус жизни, – en forme de carpe хитросплетения новообретаемой тревожной формы сущего и существования детализирует II восьмистишие, отчётливо показывающее: безвременность времени, лукаво подмигивающая безысходность разрушительно действуют на человека.

Причина бытия времени, – дабы всё не случилось одновременно, – высказывает Эйнштейн. С наступлением осени «всё» становится одновременным, а значит, онтологически – вневременным, экзистенциально – безнадежным, безысходным. С человеческой точки зрения осень сеет страх, недоумение, разделение. Лишая иллюзий, она выбивает подпорки из-под самоосознания.

Если после августино-декартовской доктринации cogito камнем преткновения гносеологии выступало освоение «чуждого и чужого», то вследствие вступления в сезон деграданса, обострения «увядания» отменяется действенность cogito «своего». По той простой причине, что каждого когносценда не удаётся расположить к (шопенгауэровской) схеме мироздания, по которой индивидуальные увечья – движения в никуда, к ничто есть форменные благоприобретения космической вечности.

Движение к смерти для лица – зло, для мира – добро; – в такой стереоскопии трудно развёртывать философию cogito как родовую галерею «идей и дел»: потому что, во-первых, неизбежность событий равна для всего [4, с. 189]; во-вторых, творение человеком мира – не чудотворение; проект «антроподицея» неизмеримо сложнее проекта «теодицея».

До удивления горячее отношение к сказанному – в горьких и точных словах разбираемой строфы.

Осень Пушкина источает «свет», осень Левинзон – «покой». Перипетии успокоенного «внежизненного» времени дискурсивно трудно схватываются, – взамен гно-

сеологически выверенных инструментов реконструкции «стандартной» реальности задействуются беллетристические механизмы нащупывания экзистенциальных инкарнаций. В данном случае – ненавязчивые наводящие вопросы, приближающие уразумение человеческих развоплощений.

Может быть, ты (наконец, и – ты! – В. И.)
заметишь
Рыжую грусть листвы...¹

Безжизненная картина непышного природы увядания – опавшая листва – утраченное ens realissimum, подножие существования; точно шрам на сердце, непоправимое повреждение – контрапункт, где очарование переходит в разочарование. Неизбежная разрушительная работа времени. Таймер отсчитывает «быстрее, быстрее, быстрее». Всякое мгновение на вес золота; череда наваливающихся невосполнимых утрат трудно переносима. Обилие изнуряющей меланхолии, хандры, мрачно-томительной скуки.

Осень – проникающий угнетающе-топливый период – период силина, экзистенциальной диастазы времён, когда жизнь перемещается в память. Обозначенное – камертон единой и единственной (не по Тиллиху) тревоги.

Осень – драма, засвидетельствуемая и натуралистическим образом – рыжей грустью листвы.

С детской вредностью

Жизнь уходит сквозь пальцы
Жёлтой горстью песка².

Что остаётся? Воспоминание. Потому – резонный вопрос:

Может быть, мне ответить,
Что вспоминаешь ты?³

¹ Левинзон И. Осень // Bards.ru: [сайт]. URL: <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=21249> (дата обращения: 28.04.2023).

² Шпаликов Г. Остаётся во фляге невеликий запас // Геннадий Шпаликов: [сайт]. URL: <http://shpalikov.ru/index.php/stikhi/109-ostaetsya-vo-flyage-nevelikij-zapas> (дата обращения: 28.04.2023).

³ Левинзон И. Осень // Bards.ru: [сайт]. URL: <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=21249>

Однако же не дышащая в затылок памятная связь с былым перестаёт расширять душу. Вопрос – безответен.

Новая попытка произвести реинкарнацию по удалённому примыканию:

Или вот это небо,
Синее, как вода?..¹

Попытка оборачивается пыткой: «из бездны сувениров не несут» (Ахмадулина). Востребующая встречного отклика обязывающая адресация к «небу» – всечеловеческой, надчеловеческой ценности, заслуживающей гласно-ответной реакции (на «примыкание»), увы, также безрезультатна!.. «Не сообразуйтесь с веком сим» (Рим. 12: 2) отрезвляет ап. Павел.

Отчаянное, исчерпывающее возможности заключительное вопрошание выглядит тяжело и прерывисто:

Что же ты раньше не был,
Не приходил сюда?²

отзывается безутешным, безучастным безмолвием. Слова все сказаны, и они – в прошлом; в настоящем, перефразируя Бунина, всё в мире – не моё. А коли так, – говорить не о чем. Silentium.

От I ко II строфе просматривается упадочническая динамика: I формирует безотрадный, раздосадывающий ландшафт, II усугубляет его безысходные отклики. Терминальную потугу восстановить причастие универсуму неутраченной жизни погруженному в глубокую «осень», истосковавшемуся лицу предпринимает III восьмистишие.

Укротимо ли неудобье осени? Как с ним справляться? Движением от реминисценций – былого и бывшего – к подлинному.

Пусть мне не снится лето³

www.bards.ru/archives/part.php?id=21249 (дата обращения: 28.04.2023).

¹ Левинзон И. Осень // Bards.ru: [сайт]. URL: <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=21249> (дата обращения: 28.04.2023).

² Там же.

³ Там же.

Даже не снится! Ибо и лето – не моя почва, где не прорастают и не прорастут никакие цветы. И всё же, всё же, всё же –

Я тебе улыбнусь⁴.

Улыбкой – не усмешкой изнеможения. Зазор между памятным в прошлом и его отсутствием в настоящем преодолевается порывом искренности, заставляющим глаза вспыхивать не мрачным огнём

А под бровями где-то
Чуть притаится грусть⁵.

Пускай искра подлинности не разожжёт костра прежних желаний. Пускай, как утверждалось в II – экзистенциальных заметках об осенних впечатлениях, – былого не вернуть и «неба» не возратить, – и тем не менее природно утраченное восполняется рукотворным.

Сила – в мелочах, тем более – многозначительных. Потому – нет смысла питаться идеей отрицания: за гранью вечности встретиться случая не представится. Жизненная вечность – миг. Тем более – когда тебе – улыбаются. Сердечная улыбка, скорее всего, не поведёт к чему-то большему; натурально, этого жаль, но не эсхатологически: грусть затаивается еле-еле, едва-едва – «чуть» и не в глазах – зеркале души, – а на периферии – где-то на выступе над глазной впадиной. Ощущение этого теплит надежду: вопреки Экклезиасту нечто новое есть и под солнцем (Эккл. 1: 9).

Неумолим ход безвременья, но уже в неопределённом – не нашем – насыщенном месте –

Где-то за синью весен⁶

там – ледяным безутешным трепетом
неопределённый

Кто-нибудь загрустит⁷

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

Мы же (я, ты, подобные нам) выходим во вне процесса. И спасаемся: точно сторонние наблюдатели, отчуждённо созерцаем, как

Молча ложится осень
Листьями на пути...¹

Стихи не имеют окончания, завершаясь недосказанным отрешённым многоточием. Вместе с тем – проясняется: мечты сбываются не только в вымыслах (почему люди любят сказки); смысловое замыкающее заворачивающее пианиссимо – не наш напев. Мы отживаем. Между тем – когда мы отживём? – очевидно: когда отживут нам улыбающиеся. Почему? Потому, что нас перестанут одаривать взаимностью. Не срывающая цветов удовольствия подлинная взаимность – это всё, что у нас есть. И оно – сверхценное всечеловеческое. Неотменяемое никакой осенью, оставляющей со своим приходом «жизнь на грани тления» (Гегель) – опавшие листья.

Философскую – неформальную и лингвистическую, логическую – условно «формальные» семантики разделяет бездна; они прокламируют, объективируют разномасштабные сущности.

Образная правда. Философская (гносеологическая) семантика оценивает *data cogitata* как образы мира через их соответствие предметному строю действительности; сверхцель её – *status rerum*.

Лингвистическая семантика оценивает регуляторы изобразительно-выразительного свойства, – варьирования оттенков мысли в словесной фиксации; в сцепке образности с правдой она поглощена «образностью». Для усиления впечатлений в выполнении произведений художник идёт на искажения, представления явлений в ложном свете: Лермонтов, обходя «правду жизни», заставляет в «Мцыри» барса «весело визжать», «вставать на дыбы»².

Фактические несообразия подобного рода специально подмечал бывший некогда звероловом Сельвинский, указывавший: барс, не будучи собакой, не визжит, не будучи лошастью, на дыбы не встаёт. Игнорируя опытную адаптивность, беллетристика превозносит изобразительно-выразительную яркость, живость – тропность, – образы мира, в слове явленные [17], которыми и упивается лингвистическая семантика. Недалеко уходит логическая семантика, оценивающая аппарат исчислений как набор правил компоновки знаков (законы исчислений высказываний, классов, отношений, предикатов).

В обоих последних случаях интерес мысли прикован к знаковому характеру человеческого символизма, тогда как в первом случае он выступает распознаванием в символизме предметной стороны, – не отвлечением от неё, но в неё вовлечением.

Поле значения. Повышенное внимание в данном отсеке изысканий лингвистическая семантика уделяет установлению внешней (звуковое выражение) и внутренней (этимология) формы слова. В предметно-жизненное измерение своих построений не вникает и логическая семантика, ставящая на формализацию – синтаксическое преобразование знаков в исчислениях с последующим установлением истинностных значений из фиксированных областей их задания.

Ничего сходного (беря в расчёт и этимологию) – в философской семантике, открытой для освоения не «слов», но мира. Объекты лингво-логической семантики – слова, пропозиции, формулы; объекты философской семантики – предметы, обстоятельства, конституенты реальности.

Попытка обойти логический функционализм уравниванием каузального и имплицитного остова рассуждений представляла задачу Льюиса [22], намеревавшегося блокировать парадоксы логического следования шестью исчислениями $S_1...S_6$ с модальными операторами (алетические «необходимо», «возможно»; деон-

¹ Левинзон И. Осень // Bards.ru: [сайт]. URL: <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=21249> (дата обращения: 28.04.2023).

² Лермонтов М. Ю. Мцыри // Культура.рф: [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/36709/mcyri> (дата обращения: 28.04.2023).

тические «обязательно», «позволительно»; эпистемические «знаю», «верю»; темпоральные «всегда», «иногда» конструкции).

Наиболее представительное (базисное) построение S_5 , однако, комбинирует, опять же, отрешёнными параметрами рефлексивности, симметричности, транзитивности, не отвечает фактосообразному углу зрения. (Одна из теорем S_5 декларирует: всё, что необходимо, существует действительно. Последнее, конечно, не так, что в обход практического убеждения: от логического к фактическому нет прямого моста, находит дополнительную поддержку в общеизвестной критике гегелевского панлогизма – тезиса: «всё разумное (мысле-необходимое – В. И.) – действительно!»)

Поле смысла. В отличие от лингво-логической семантики философская семантика не только денотативна, но и коннотативна. Коннотативность в нашем вопросе – естественная текучесть, летучесть, неуловимость, перманентная смысло-преобразуемость, заменяемость, замещаемость, изменяемость – несохраняемость исходных трактовок, – следствие привнесения сопутствований, подразумеваний, привхождений, соположений.

Лингвистическая семантика идентифицирует и локализует тропы – переносы, иносказательные вторичные значения слов, уподобления для характеристики явлений через трансляцию признаков по нестандартному расширяющему пониманию через придание эффектных оттенков, окрасов, ярких определений, индивидуализаций, переименований, сопутствований, контрастов, смежности, сходства, сопереживания, использования имён собственных в качестве нарицательных, замещения прямых средств предикации косвенными и т. п.

Логическая семантика, как отмечалось ранее, всячески противится полисемантизму (арсенал аксиоматизации, формализации, образования предметов рассмотрения списочным образом, введением правильно построенных предикатов, по возможности – исключение непредикативных формулировок).

Вопреки указанному философская семантика всячески пестует полисемантичность, навлекая эрозию повсеместных канонов мыследеятельности, правил восприятия, оценки, универсализации смысла-значимостей. Её исконная стихия – подрыв тождества, эвристичное оправдание локальной (не «запатентованной» в интенциональных логиках) многозначности. Используя логически «нелепые» (архаичные) законы олицетворения, инкарнации, воплощения, манифестации, – приёмы символизации [8] «насыщенных мест», философская семантика «отменяет» лобовые, наивные, житейски неплодотворные техники отождествления, идентификации, консистентности; центрируются начала оборачиваемости, многогранности, диспозициональности, стереоскопичности, поливариантности.

Именно они – названные начала – обеспечивают бесперебойное движение по маршруту «тревога жизни» в достижении «света – покоя».

Нет заманчивей задачи, чем уяснить внятную сердцу метафизику перехода сущего в несущее, взаимодействия временного с вечным. Не злоупотребляя комментированием, обратим внимание на такие тютчевские строки, выполненные в стилистике образных «крутых поворотов».

Диспозиция:

Святая ночь на небосклон взошла,
И день отрадней, день любезней,
Как золотой покров, она свила,
Покров, накинутый над бездной.
И, как виденье, внешний мир ушёл...
И человек, как сирота бездомный,
Стоит теперь и немощен и гол,
Лицом к лицу пред пропастью тёмной¹.

Краткая, до обидного отрезвляющая остановка, прерывающая исполнение экзистенциальной саги. Где лицедей истории?

¹ Тютчев Ф. Святая ночь // Культура.рф: [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/45550/svyataya-noch> (дата обращения: 28.04.2023).

На самого себя покинут он –
Упразднен ум, и мысль осиротела –
В душе своей, как в бездне погружен,
И нет извне опоры, ни предела...
И чудится давно минувшим сном
Ему теперь всё светлое, живое...¹

Выдворенный из бурного жизненного потока, человек вытеснен в воспоминания. В них и обретает радостное причастие общеродовому.

Образное семантическое решение «насыщенного места». Доходчиво и убедительно. С недопускающим пересмотра убеждением: ничего нет страшнее, непредсказуемей человеческой жизни, переходящей из «осенней» в «ночную» пору. Иллюзии развеиваются: после «осенних» «ночные» прозрения – наиболее мудрые, где мудрость сравнивается с честностью, но и – наиболее страшные. С данного конкретного момента всё чаще начинают дрожать губы, в глазах не перестают стоять слёзы...

Индикаторы не телесных – душевных ущербов, – непроходящей боли, которая не лечится – только множится. Множится жуткой пустотой меркнувшего, мерцающего существования. Сменив осень, ночь

... с мира рокового
Ткань благодатную покрова,
Сорвав, отбрасывает прочь...²

И что же?

И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами –
Вот отчего нам ночь страшна!³

Что такое «осень», «ночь» как стадийные жизненно-смысловые судьбические состояния? Вопрос – в человеческий кос-

мос, который никак не осваивают ни лингвистическая, ни логическая семантики.

Инструментарий. В философской семантике теряет универсальность приём квантификации (как, впрочем, в математике – неявное допущение безграничности количественной детализации предмета изучения: в любом масштабе он возможен. С безразличием к качеству уже нельзя мириться в комбинировании бесконечными совокупностями, навязывающими необходимые дифференцировки «количественного» и «порядкового»).

Философская семантика опирается на специфические способы «выслеживания истины» (Толстой) в антропологически ёмких ареалах – типа ареалов экзистенциальной «осени», «ночи», представляющих метонимические олицетворения, гигантские эпитеты смысловых фазовых переходов, не влияющих на объём, но перегружающих содержание, осуществляющих переизбыток сущего. В нашем плане «осень», «ночь» – пункты не тяги к самоистязанию, но тоски по недостижимому. Человек уходит в себя, как устрица в раковину, переживает свою боль в одиночестве. Тело выходит «из своих суставов» (Шекспир); душа рвётся на куски от бесчувственности к лавине восторгов. Наступает уныние, заполняет тревога, не преодолеваемая силой воли [18, с. 232]. Настойчивая, устойчивая, всепоглощающая пустота!

Персональная самоутрата, существовательная потерянная, внутренне безрадостная, смутная остановка, бедные надеждами (не до книжной идеальности!) угрюмые ожидания. Человек превращается в дерево, лишённое питающих корней...

Жизнь даёт один урок – невозможности; она исключает повторения (на фоне утверждаемого сомнительна идущая рефреном мысль Марка Аврелия: жизнь – повторение: всё в ней «однородно и единообразно») [16, с. 310].

Как всё это выразить становящимися ложью (Эсхил) словами, тем более укрощаемым потенциалом «пропозициональных» семантик.

¹ Тютчев Ф. Святая ночь // Культура.рф: [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/45550/svyataya-noch> (дата обращения: 28.04.2023).

² Тютчев Ф. День и ночь // Тютчевiana: [сайт]. URL: <https://www.ruthenia.ru/tiutcheviana/stihi/bp/128.html> (дата обращения: 28.04.2023).

³ Там же.

Тематизация. И лингвистическая, и логическая семантики отвлекаются от предметных связей, довольствуются явлениями связей структурообразующих (синтаксических, лексических, имплицативных и т. д.). В философской семантике совершенно иные принципы установления связей, обуславливающие специфическую композицию тематизирующей процедуры.

Любой отсек мыследеятельности воздействует весь логический арсенал познавательного снаряжения в лице индукции, дедукции, традукции, абдукции. Не является исключением философская семантика, в тематизации, версификации интересующего её предметного материала применяющая (от лат. *ducere* – «вести») наведение; вы-ведение; пере-ведение; но активнейшим образом прибегающая к приведению. При-ведение – абдукция – суть творческий приём, по разъяснению Пирса, заключающийся в том, чтобы «предположить теорию, которая объясняет... множество исследуемых фактов» [24, р. 209].

Наглядная схема абдуктивного мыслотока: имеются данные Е; под них подводится эксплицирующая гипотеза Н; при согласовании Е с Н допускается, что Н правдоподобна (именно так, поскольку с Е когерируема и ложная Н).

Абдукция – эвристическое расширение без явных правил (о механизме продуктивных, креативных инициатив речь – в 7 книге сериала по теории познания [9] с упором на опыт работы в материале, активизирующем фигуры профессиональной логики (позволяющей, кстати, снимать формально-логические трудности типа парадокса подтверждения, поскольку по закону преобразования суждений исходное утверждение «все вороны чёрные» формально эквивалентно утверждению «все не чёрные существа – не вороны», тезис «белый пароход» – «не ворон и не чёрный» – подтверждает исходное утверждение. Парадокс подтверждения купируется отходом от формально-логической точки зрения выбором релевантного универсума, чувствительного к базовой предметной

сфере и сцепленного с ней релевантным (! – не любым) образом).

Так – в науке, увязывающей абдукцию с более широкой профессиональной логикой, легализующей предметосостоятельные семантические директивы.

Гораздо дальше идёт философская семантика, подключающая не только профессиональную, но и антропную логику [10], нерв которой – нюансирующая аналитика, добывающаяся чувствительности рефлексии к вариативности признаковых групп.

В логике, математике – засилье антивариативности, торжество идентичности, в силу которого интерес познания устремляется на демонстрацию равнообразности по сухой кальке: одно (x) тождественно другому (y), если для всякого исчезающе малого (ϵ) разность между отправным минимальна: $x = y \sim \forall \epsilon |x - y| < \epsilon$.

В философских разысканиях такого рода калька – не работоспособна: "х" и "у" может отличать любое, сколь угодно малое ϵ , но различия между ними могут быть непомерно большими. Для подкрепляющего примера озаботимся: может ли любящая мачеха заменить ребёнку любящую мать? Насколько транзитивно сердечное чувство глубокого расположения, самоотверженной, искренней привязанности? Определяется ли оно – всецело – физиологическим родством? Тогда – в чём разница? И можно ли её фиксировать лексически, логически?

Задание истинности. В лингво-логических разысканиях истинность толкуется функционалистски в обход обязывающих адресаций к фактическим (литература: у Шекспира по разным актам леди Макбет то имеет, то не имеет детей; у Гоголя Чичиков летом одевает шубу и т. д.); смысловым (логика: парадоксы материальной, сильной импликации и т. д.) связям. В философских (гносеологических) рассматриваниях истинность толкуется субстанциально – по отнесению к *status rerum*.

Заключение

Лингвистическая семантика выстраивается на учёте правомочности / неправомочности предикации с позиции маркерности корректности / некорректности («идея – треугольна»), ситуативной нормальности / аномальности (оксюмороны), категориальной последовательности / непоследовательности, совместимости / несовместимости переноса на что-то некой системы признаков («спят курганы тёмные») [13], влекущих лексические противоречия. Принимаются во внимание смыслы, значения слов – не обстоятельств!

На этом же поле играет логическая семантика, анализирующая знаково-символические операции по схеме: атомарное предложение $P(a)$ истинно, если замеча-

емый «а» объект обладает свойством «Р»; изыскание же, насколько P сообразно реальности, не входит в компетенцию логики. С предметной точки зрения логическая семантика оказывается семантикой «указания», исследующей отношение «имя – обозначаемый объект» [23] вне и помимо уточнения его онтологического статуса.

Философская семантика не является теорией «указания». Истинность предложений устанавливается здесь объёмной оправдательной процедурой, предполагающей обращение к материальному (не номинальному) существу (корреспонденция языковых выражений внеязыковым обстоятельствам).

Статья поступила в редакцию 02.05.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 2 / сост. А. Л. Субботин. М.: АН СССР, 1978. 593 с.
2. Виноградов В. В. Язык Гоголя и его значение в истории русского языка // Материалы и исследование по истории русского литературного языка: в 4 т. Т. 3. / отв. ред. В. В. Виноградов. М.: Издательство Академии наук СССР, 1953. С. 4–44.
3. Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1982. 503 с.
4. Дидро Д. Собрание сочинений. Т. 5 / пер. Р. И. Линцер. М.; Л.: Academia, 1936. 657 с.
5. Дюгем П. Физическая теория. Её цель и строение / пер. Г. А. Котляра. СПб.: Образование, 1910. 326 с.
6. Ильин В. В. О различии тождественных // Российский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 6. С. 381–389.
7. Ильин В. В. Теория познания. Герменевтическая методология. Архитектура понимания. М.: Проспект, 2017. 184 с.
8. Ильин В. В. Теория познания. Символика. Теория символических форм. М.: Московский университет, 2013. 380 с.
9. Ильин В. В. Теория познания. Эвристика. Креатология. М.: Проспект, 2018. 173 с.
10. Ильин В. В. Философская антропология. М.: Книжный дом Университет, 2008. 232 с.
11. Ильин В. В. Философия гуманитарного знания. *Studia Humaniora*. Гуманитаристика. М.: Проспект, 2019. 256 с.
12. Киреевский И. В. Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979. 439 с.
13. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: Либроком, 2012. 352 с.
14. Коменский Я. А. Избранные педагогические сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1982. 656 с.
15. Лейбниц Г. В. Сочинения: в 4 т. Т. 3 / ред., сост. Г. Г. Майоров, А. Л. Субботин. М.: Мысль, 1984. 734 с.
16. Марк Аврелий. Наедине с собой // Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий / сост. В. В. Сапова. М.: Республика, 1995. 463 с.
17. Тамарченко Н. Д. Теоретическая поэтика. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1999. 286 с.
18. Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени / пер. А. Боковникова. М.: Прогресс, 1994. 336 с.
19. Bradley E. H. *Appearance and Reality*. Oxford: Clarendon Press, 1966. 570 p.
20. Hallig R., Wartburg W. v. *Systeme raisonne des concepts pour servir de base a la lexicographie*. Berlin: Akad-Vlg, 1963. 315 p.
21. Kepler Y. *Harmonices mundi*. Lincii Austriae, 1619. 255 p.
22. Lewis C. J. *A Survey of Symbolic Logic*. Berkeley: University of California Press, 1918. 412 p.
23. Martin R. *Intention and Decision*. New York, 1964. 188 p.

24. Peirce C. S. The Collected Papers of Charles Sanders Peirce. Vol. 8: Reviews, Correspondence, and Bibliography. Cambridge: Harvard University Press, 1958. 798 p.

REFERENCES

1. Bacon F. Essays (Rus. ed.: Subbotin A. L., comp. *Sochineniya*. T. 2. Moscow, AS USSR Publ., 1978. 593 p.).
2. Vinogradov V. V. [Gogol's Language and Its Significance in the History of the Russian Language]. In: Vinogradov V. V., ed. *Materialy i issledovaniya po istorii russkogo literaturnogo yazyka*. T. 3 [Materials and Research on the History of the Russian Literary Language. Vol. 3]. Moscow, AS USSR Publ., 1953, pp. 4–44.
3. Vygotsky L. S. *Sobranie sochinenij*. T. 2 [Collected Works. Vol. 2]. Moscow, Pedagogika Publ., 1982. 503 p.
4. Diderot D. Collected Works (Rus. ed.: Lincer R. I., transl. *Sobranie sochinenii*. T. 5. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1936. 657 p.).
5. Duhem P. La théorie physique: son objet, et sa structure (Rus. ed.: Kotlyar G. A., transl. *Fizicheskaya teoriya. Eyo cel' i stroenie*. St. Petersburg, Obrazovanie Publ., 1910. 326 p.).
6. Ilyin V. V. [On the Difference between Identical Ones]. In: *Rossiiskij gumanitarnyj zhurnal* [Russian Humanitarian Journal], 2019, vol. 8, no. 6, pp. 381–389.
7. Ilyin V. V. *Teoriya poznaniya. Germenevticheskaya metodologiya. Arhitektura ponimaniya* [Theory of Knowledge. Hermeneutical Methodology. Architecture of Understanding]. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 184 p.
8. Ilyin V. V. *Teoriya poznaniya. Simvologiya. Teoriya simvolicheskikh form* [Theory of Knowledge. Symbolology. Theory of Symbolic Forms]. Moscow, Moscow University Publ., 2013. 380 p.
9. Ilyin V. V. *Teoriya poznaniya. Evristika. Kreatologiya* [Theory of Knowledge. Heuristic. Creatology]. Moscow, Prospekt Publ., 2018. 173 p.
10. Ilyin V. V. *Filosofskaya antropologiya* [Philosophical anthropology]. Moscow, Knizhny dom Universitet Publ., 2008. 232 p.
11. Ilyin V. V. *Filosofiya gumanitarnogo znaniya. Studia Humaniora. Gumanitaristika* [Philosophy of Humanitarian Knowledge. Studio Humaniora. Humanities]. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 256 p.
12. Kireevsky I. V. *Kritika i estetika* [Criticism and Aesthetics]. Moscow, Iskustvo Publ., 1979. 439 p.
13. Kobozeva I. M. *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic Semantics]. Moscow, Librokom Publ., 2012. 352 p.
14. Komensky Ya. A. *Izbrannye pedagogicheskie sochineniya*. T. 2 [Selected Pedagogical Works. Vol. 2]. Moscow, Pedagogika Publ., 1982. 656 p.
15. Leibniz G. W. Essays (Rus. ed.: Maïorov G. G., Subbotin A. L., comps. *Sochineniya*. T. 3. Moscow, Mysl' Publ., 1984. 734 p.).
16. Marcus Aurelius. Alone With Myself (Rus. ed.: *Naedine s soboi*. In: Sapova V. V., comp. *Rimskie stoiki: Seneka, Epiktet, Mark Avrelij* [Roman Stoics: Seneca, Epictetus, Marcus Aurelius]. Moscow, Respublika Publ., 1995. 463 p.).
17. Tamarchenko N. D. *Teoreticheskaya poetika* [Theoretical Poetics]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 1999. 286 p.
18. Jung C. G. Seelenprobleme der gegenwart (Rus. ed.: Bokovnikov A., transl. *Problemy dushi nashego vremeni*. Moscow, Progress Publ., 1994. 336 p.).
19. Bradley E. H. Appearance and Reality. Oxford: Clarendon Press, 1966. 570 p.
20. Hallig R., Wartburg W. v. Systeme raisonne des concepts pour servir de base a la lexicographie. Berlin: Akad-Vlg, 1963. 315 p.
21. Kepler Y. Harmonices mundi. Lincii Austriæ, 1619. 255 p.
22. Lewis C. J. A Survey of Symbolic Logic. Berkeley: University of California Press, 1918. 412 p.
23. Martin R. Intention and Decision. New York, 1964. 188 p.
24. Peirce C. S. The Collected Papers of Charles Sanders Peirce. Vol. 8: Reviews, Correspondence, and Bibliography. Cambridge: Harvard University Press, 1958. 798 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ильин Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор кафедры общественных наук Калужского филиала Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана (национального исследовательского университета);
e-mail: vvilin@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Viktor V. Ilyin – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Social Sciences, Kaluga Branch of Bauman Moscow State Technical University (National Research University);
e-mail: vvilin@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ильин В. В. Ментальный абрис философской семантики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 2. С. 18–36.
DOI: 10.18384/2310-7227-2023-2-18-36

FOR CITATION

Ilyin V. V. The Mental Image of Philosophical Semantics. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2022, no. 2, pp. 18–36.
DOI: 10.18384/2310-7227-2023-2-18-36